

РИЖСКИЙ ВЪСТНИКЪ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Безъ доставки: за годъ 6 руб., за полгода 3 руб., за 3 мѣсяца 1 руб. 50 коп. и за одинъ мѣсяць 75 коп.—Съ доставкой на домъ и пересылкою по почтѣ: за годъ 8 р., за полгода 4 руб., за 3 мѣсяца 2 руб. и за одинъ мѣсяць 1 руб. Дѣйствительныя скидки на членскія ученики Прибалтійскаго края подписная цѣна: съ пересылкою на годъ 5 рублей и на полгода 3 руб., на 3 мѣсяца 2 руб. 50 коп. и на 1 мѣсяць 1 руб. 75 коп. Подписка принимается только съ 1 числа каждаго мѣсяца на ранне сроки въ конторѣ газеты, на утку Большой и Малой Грѣншты ул., въ домъ Лифшля.

Выходитъ ежедневно вечеромъ, кромѣ праздничныхъ дней.

Телефонъ № 64.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ.

По 10 коп. съ листа, занимаемаго однострочною строкою мелкаго шрифта; на первой страницѣ 20 коп.—Другими шрифтами, или съ украшеніями, по особой тѣлѣ.—Объявленія принимаются на всѣхъ языкахъ. Объявленія изъ-за границы принимаются исключительно въ Центральной конторѣ объявленій Торговаго Дома Л. и Ф. Метцъ и Ко, Москва, Мясницкая, д. Остова, и въ ихъ отдѣлахъ: въ СПб., 6, Морская, № 11, и въ Парижѣ, пл. Вьери при аг. Гаваса. Объявленія, поступающія до 12 час. дня, печатаются въ тотъ же день, а поступающія послѣ, печатаются въ слѣдующій номеръ. За переключеніе адреса многократныя подписчики платятъ 30 коп. Отдѣльные номера продаются по 5 коп.

Статьи и замѣтки, признанныя редакціей неудобными къ печати, не возвращаются авторамъ.

Контора „Рижскаго Вѣстника“

покорнѣе проситъ гг. подписчиковъ, срокъ подписки коихъ истекаетъ 1-го іюля 1903 г., воспѣшить возобновленіемъ подписки во избѣжаніе перерыва въ доставкѣ газеты.

Рига, 19-го іюня.

Въ 135 № «Правительственнаго Вѣстника» опубликовано Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта объ учрежденіи и штатѣ главнаго управления торговаго мореплаванія и портовъ. Проектъ, представленный главноуправляющимъ торговымъ мореплаваніемъ и портами великимъ княземъ Александромъ Михайловичемъ, будетъ введенъ въ дѣйствіе въ теченіе 1903 г. По проекту, члены отъ главнаго управления мореплаванія входятъ въ составъ совѣтовъ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ и по тарифнымъ дѣламъ при министерствѣ финансовъ и при управленіяхъ внутреннихъ водныхъ путей и шоссеиныхъ дорогъ. Главноуправляющему мореплаваніемъ и портами предоставлено право приглашать въ вышеозначенные совѣты представителей мореходной промышлен-

ности, по одному въ каждый изъ этихъ совѣтовъ. Технической надзоръ за морскими устьями рѣкъ передается въ вѣдѣніе главнаго управления торговаго мореплаванія и портовъ, по особому въ отношеніи каждаго устья соглашенію главноуправляющаго торговымъ мореплаваніемъ и портами съ министромъ путей сообщенія. Определеніе границъ передаваемыхъ рѣчныхъ пространствъ принадлежитъ комитету по портовымъ дѣламъ. Правила, касающіяся поступленія нижнихъ чиновъ запаса арміи и флота на службу на морскія коммерческія суда и увольненія ихъ съ такой службы, а также срока и порядка явки сихъ нижнихъ чиновъ въ случаѣ объявленія призыва, устанавливаются военнымъ министромъ и управляющимъ морскимъ министерствомъ, по принадлежности, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и путей сообщенія, а также и съ главноуправляющимъ торговымъ мореплаваніемъ и портами. Подлежатъ разрѣшенію министра финансовъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 25-го іюня 1899 г. положенія комитета министровъ («Собр. узак.», ст. 1700), ходатайства о разрѣшеніи таможенныхъ пошлинъ на суда, приобретаемыя для плаванія по Каспійскому морю, разрѣшаются имъ, по соглашенію съ главноуправляющимъ торговымъ мореплаваніемъ и портами. Предусматриваемыя въ отдѣлахъ IV и IX Высочайше утвержденнаго 27-го апрѣля 1898 г. мнѣнія государственнаго совѣта о таможенныхъ пошлинахъ на привозимыя изъ-за границы морскія и рѣчныя суда правила относительно безопытного пропуска металлическихъ издѣлій для вооруженія и оснастки парусныхъ мореходныхъ судовъ, а равно предметовъ, входящихъ въ инвентарь

морскихъ судовъ, подлежатъ на указанныхъ въ законѣ основаніяхъ утвержденію министра финансовъ, по соглашенію съ главноуправляющимъ торговымъ мореплаваніемъ и портами. Главному управленію торговаго мореплаванія и портовъ предоставляются въ отношеніи российскихъ консуловъ, по исполненію ими обязанностей по части торговаго мореплаванія, права, принадлежащія имъ, на основаніи устава консульскаго, министерству финансовъ. Правила, касающіяся порядка заведенія лоцманскими учрежденіями, условий обязательнаго взятія лоцмановъ, взимаемаго лоцманской платы, а равно уставы лоцманскихъ обществъ утверждаются управляющимъ морскимъ министерствомъ, по соглашенію съ главноуправляющимъ торговымъ мореплаваніемъ и портами и министромъ внутреннихъ дѣлъ. Правила относительно устройства, установки, содержанія, употребленія и освидѣтельствованія паровыхъ котловъ на морскихъ судахъ торговаго флота издаются главноуправляющимъ торговымъ мореплаваніемъ и портами. Медали, выдаваемые русскимъ шкиперамъ и штурманамъ за безпорочную службу на коммерческихъ судахъ (ст. 732 утр. орден., изд. 1892 г.), изготовляются непосредственно по распоряженію главноуправляющимъ торговымъ мореплаваніемъ и портами. Въ составъ учрежденнаго при главномъ управленіи совѣта по дѣламъ торговаго мореплаванія входятъ представители отъ всѣхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ, не исключая министерства иностранныхъ дѣлъ, представитель котораго участвуетъ въ засѣданіяхъ совѣта при обсужденіи вопросовъ, затрагивающихъ международныя отношенія. Установленіе такихъ взаимоотношеній должно, конечно, содѣйствовать сокращенію до minimum'a формальностей, сопряженныхъ съ междуведомственной перепискою (часто даже по второстепеннымъ вопросамъ), такъ какъ при обсужденіи вопросовъ, несомнѣнно, будутъ приниматься въ соображеніе интересы заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Интересы торговли и мореходства, какъ видно изъ проекта, будутъ обеспечены достаточно: въ совѣтѣ будутъ представители купечества С.-Петербурга, Ревеля, Риги, Либавы, Вильянди, Одессы, Николаева, Ростова-на-Дону, Астраханскаго, Астрахани и Баку, по избранію мѣстныхъ биржевыхъ комитетовъ (по одному отъ каждаго), а также четырехъ членовъ отъ мореходныхъ предпріятій (по назначенію главноуправляющаго). Совѣтъ главноуправляющаго учреждается на основаніи общаго образованія министерствъ и общаго наказа министерствамъ. На основаніи членовъ совѣта, кромѣ входящихъ въ него товарищей главноуправляющаго и начальниковъ двухъ основныхъ отдѣловъ, вносится 20,000 рублей. Канцелярія главноуправляющаго учреждается также на общемъ осно-

ваніи министерствъ и заключается въ себѣ, между прочимъ, юрисконсультскую часть. Управляющей канцеляріею приравнивается по должности, правамъ и ответственности къ директорамъ канцелярій министерствъ. Содержаніе канцеляріи исчислено въ 78,040 р. Прибавляя къ упомянутымъ расходамъ содержаніе инспекторовъ мореплаванія, чиновниковъ особыхъ порученій, награжденія, командировочныя и пр., получимъ, что содержаніе центральныхъ установленій главнаго управления торговаго мореплаванія будетъ обходиться въ 487,980 руб. Столь значительные расходы казны на новое учрежденіе, какъ можно надѣяться, будутъ возмѣщены значительнымъ подъемомъ въ сферѣ отечественнаго мореплаванія, торговли и промышленности. Нельзя также не отмѣтить стремленія составителей только что утвержденнаго проекта дать доступъ въ новое ведомство людямъ дѣла и жизни. Всѣ должности по строительной части отдѣла торговыхъ портовъ до VI класса включительно, а равно должности бухгалтеровъ, могутъ замѣщаться лицами, не имѣющими чиновъ, а равно не имѣющими права на вступленіе въ гражданскую службу. Если же эти лица кончили курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или были офицерами во флотѣ или специальныхъ корпусахъ морского ведомства, то они могутъ замѣщать всѣ должности до V класса включительно. Для за-

Это было *).

1. Плеть.

(Некрологъ).

У меня въ сахалинской коллекціи есть страшная вещь—плеть палача Комлева.

Мнѣ прислалъ ее съ Сахалина докторъ Николай Степановичъ Лобась. Однѣмъ изъ «маленькихъ великихъ людей». Благодаря ему, тысячамъ людей жилось легче. Человѣческому страданію охъ принесъ тагчайшія жертвы, какія могутъ быть: потерялъ на Сахалинѣ двоихъ дѣтей и лишился здоровья. Тотъ, кто будетъ писать исторію русской каторги, писать кровью и слезами—вспомнитъ имя этого «борца за каторгу», защитника страждущихъ и безправныхъ, съ благодарностью и благоговѣніемъ.

Мнѣ былъ дорогъ этотъ «страшный подарокъ» отъ являтка каторги, потому что Н. С. Лобась прислалъ мнѣ его, прочитавъ мои первые очерки о Сахалинѣ.

Лобась писалъ мнѣ: «Ушелъ старый другъ Комлевъ совсѣмъ ушелъ на покой. Я купилъ у него плеть, которую охъ работалъ, и посылаю ее вамъ. Она стоитъ, чтобы о ней написать статью».

Но думалъ ли я, что буду такъ счастливъ, что мнѣ придется писать тебѣ некрологъ, старая преступница!

Черная, магкая, липкая, если тебя немного подержать въ рукахъ—ты вся засквозь пропитана человеческой кровью. Съ Сахалина тебя везли «дѣльнымъ посыломъ» на пароходѣ; во влажномъ вѣдухѣ трюмныхъ ты отсырѣла, зацвѣла, старая плеть, и когда тебя развернули, отъ тебя пахло разлагающимся трупомъ.

Въ таможенѣ—Сахалинъ порто-франко, и всѣ вещи отсюда должны проходить черезъ таможену,—надсмотрщикъ съ отвращеніемъ развернулъ смрадную посылку: «Что это? Испортившаяся привія?»

«Это плеть палача. Это пахнетъ разложившейся человеческой кровью. Это про тебя говорилъ бывший прокуроръ на Сахалинѣ г. Курочкинъ, когда охъ на судѣ въ моемъ дѣлѣ со смотрителемъ тюрьмы показывалъ: «По должности прокурора я присутствовалъ на Сахалинѣ при исполненіи смертныхъ приговоровъ, но ничего страшнѣе наказанія плетью я не

видалъ. Какой-то фонтанъ изъ брызгъ крови и клочковъ мяса. Во время г. Курочкина палачомъ былъ Комлевъ. Это отъ тебя летѣла фонтанъ изъ брызгъ крови и клочковъ человеческаго мяса, старая, какъ твой бывшій хозяинъ—палачъ, напившаяся человеческой крови плеть. Это твою работу описывалъ А. П. Чеховъ на той страшной страницѣ, гдѣ охъ говоритъ о наказаніи Комлевымъ сыномъ-каторжанца Лѣоникова. «Привязанный къ кобылѣ человѣкъ больше не кричитъ. Охъ икалъ и хрипѣлъ. Я не могъ больше выдержать и вышелъ. Плеть продолжала работать». Это «работала» ты. Калѣбница и убивала. Комлевъ выдумалъ «для наказанія» какой-то особый костюмъ. Красную рубаху и высокій черный колпакъ. Охъ являлся «на дѣло», рисуясь, торжественный и завопившій. Охъ ловкимъ жестомъ пускалъ тебя по землѣ. И ты лежала, какъ толстая черная змѣя,—слетевшая изъ ремней, дрянная плеть,—раскопаясь къ концу тремя хвостами. Однѣмъ ударъ былъ равенъ тремъ. Комлевъ кричалъ: «Поддержись!» И отъ этого крика мелкой дрожью начинало колотиться привязанное къ «кобылѣ» человеческое тѣло. Комлевъ выдерживалъ паузу, долую, какъ вѣчность. Въ вѣдухѣ раздавался свистъ, застоявшійся въ вискахъ. И свистомъ за нимъ вой. Не крикъ человѣка, а вой страшно раненаго звѣря. Ты отпечатывала свой отвратительный портретъ на бѣломъ тѣлѣ человѣка. Твой кровавый отпечатокъ моментально вдувался на корчившемся тѣлѣ привязаннаго. Комлевъ пережидалъ. Давать «прочувствовать» ударъ. И снова свистъ, снова вой. Присутствованіе при наказаніи отодвигалось дальше. Врывалась кровь. — Пустилъ ему кровь, теперь будетъ легче!—говорилъ Комлевъ, и когда его потомъ спрашивали: — Зачѣмъ ты кричишь «поддержись»? Охъ отвѣчалъ: — Чтобъ духу въ себя набралъ. А то сердце можетъ лопнуть, ежели не ждешь—ударитъ. И охъ билъ, билъ, билъ по окровавленному, изрубленному мясу.

Словно котлеты рубили. Брызги и клочки мяса покрывали полъ вокругъ кобылы, летѣла на стѣны, въ потолокъ, забрызгивали мушкетеры, попадали въ лица присутствовавшимъ при наказаніи. Кровь капала съ кобылы. Подъ этой страшной скамьей образовывалась темная лужаца крови. Красная полоса ложилась на полу, тамъ, гдѣ ложилась плеть. А ты, плеть, все свистала, свистала въ воздухѣ, распылая брызги горячей крови. Комлевъ все билъ, билъ, билъ по истерзанному, кровавому, изрубленному живому мясу. Билъ медленно, съ расстановкой, съ паузами, выбирая мѣсто для каждаго удара. Присутствованіе при наказаніи отворачивались: такъ страшно было смотреть. Всѣ страдали. Кричали: — Чаще, чаще бей! Но Комлевъ, блѣдный, съ горящими глазами, озвѣрѣвшій отъ вида крови, судорогъ, страданій, отъ воплей, отъ безпомощности жертвы,—ужъ билъ «не въ себя». Охъ не понималъ ничего. Охъ «дѣлалъ свое дѣло». Охъ билъ. — Рѣжь!.. Кричи!.. Стопы, вопли замолчали. Слыхало даже хрипѣе. — Сто! Сто!—съ отчаяніемъ кричалъ врачъ. Съ кобылы снимали едва дышащаго человѣка, безъ сознанія, и на халатѣ, «изрубленнаго» спиной вверхъ, несли въ лазаретъ. Мѣсяца два охъ лежалъ спиной вверхъ, пока гнойные массы затвердели тоною пленкой, покрывалось рубцами. И, взглянувъ на эти рубцы, всякій сказалъ бы: — Это выжжено каленымъ желѣзомъ. Черезъ два мѣсяца человѣкъ вставалъ,—если охъ вставалъ,—неувѣреннымъ, калѣбой на всю жизнь. Это тобою, старая плеть, былъ въ смерть задрянъ Губарь. Комлевъ наказывалъ въ однѣмъ день двоихъ за одно и то же преступленіе. Васильевъ и Губарь бѣжали, въ тайгѣ съ голоду убили товарища, варили его мясо и яли. Людьмиство—такого преступленія даже не предусматривалъ законъ. Это слыхомъ чудовищно, чтобы въ голову законодателя могла притти даже мысль о возможности.

Людьмиство наказывали только за побѣгъ и убійство. Обомъ было дано по сотнѣ твоихъ ударовъ. Васильевъ живъ и до сихъ поръ. Губаря послѣ 42-го удара унесли за мертвое въ лазаретъ, и онъ черезъ три дня умеръ, не приходя въ себя. Надъ обоими работала ты. Но противъ Васильева каторга ничего не имѣла. Охъ съ голоду. Охъ потомъ отъ ужаса сошелъ съ ума. Губарь бѣжалъ такъ ужъ не въ первый разъ. Каторга знала его «обычай». — Кто копѣе сукри,—Губарь подбиваетъ товарища идти въ тайгѣ. На каторжанца, который бѣжалъ съ Губаремъ, тюрьма смотрѣла, какъ на «обременнаго». Каторга подозрѣвала за этимъ страшнымъ человѣкомъ не одно такое дѣло. — Раззакомялся человеческимъ тѣломъ. И когда Губарь былъ, наконецъ, уличенъ—нищая каторга набрала грошамъ итѣсколю рублей и заплатила Комлеву: — Запори. И въ сильныхъ, желѣзныхъ, локныхъ рукахъ Комлева ты, плеть, простегивала Губаря до паховъ. Его отнесли въ лазаретъ съ омерзѣвшими пахами. Ты, старая плеть, работала долго и перекатывала невидимо народу. Ты досталась Комлеву по наследству отъ его учителя, палача Терскаго. Тобю, послушное орудіе мученья и убійствъ, искалъчечъ и твой бывшій хозяинъ, самъ Комлевъ. Въ крови жертвъ, которой ты напоена, есть и капли крови самого палача. Комлевъ тогда былъ помощникомъ. А палачомъ Терскій. Комлевъ что-то сдѣлалъ. Ему сдѣлали «манты». Твое каторжанье имя, плеть. Терскій сказалъ Комлеву: — Ложись. Поучу, какъ надо драть. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Показывая мнѣ спину, Комлевъ сказалъ: — До сихъ поръ гнию. Вѣсто тѣла были одни рубцы. Словно все было выжжено каленымъ желѣзомъ. Комлевъ подавалъ красную жопу. Кожца лопнула, и потекъ гной. — Меня люди на весь вѣкъ ка-

лѣвой сдѣлали. И я людямъ тѣмъ же плечу. Человѣкъ—существо, которое изъ всего можетъ сдѣлать искусство. И изъ тебя, отвратительное чудовище, сдѣлали художественный инструментъ. Изъ тѣбѣ владѣть тобой сдѣлали профессію, искусство, науку. Перваго удара палачъ давалъ «во-всю» и какъ саблету. — Первый ударъ—палачу. И у тебя были традиціи, плеть! Первый ударъ—палачу. Остальные тому, кого наказываютъ. И отъ того, кого наказываютъ, отъ его комелька, зависѣло, какіе получатъ удары—тяжелые или легкіе. Быть отнесеннымъ умирать въ лазаретъ или встать со страшной скамьи, «какъ встрепанному». Заплатилъ палачу—выидешь невредимъ. Ночью было заплатить—будешь на всю жизнь калѣбой. Устарѣвшее, не нашего вѣка, страшное «орудіе закона»,—ты было, въ сущности, орудіемъ вымогательства и произвола палача. Приговаривая за побѣгъ въ тайгѣ,—къ наказанію, о которомъ никто не имѣлъ настоящаго понятія,—судъ, въ сущности, неизвѣстно что дѣлалъ. Приговаривалъ человека къ смерти или же къ штрафу въ пользу послѣдняго изъ каторга—палача. Твоимъ именемъ жили, плеть. Жили на счетъ страдающихъ гаустившіе изъ людей—палачи. Какъ ни низко пала каторга, какъ она ни явля, какъ ни голодая,—но «сборъ на палача», когда предстояло наказаніе товарища плетью,—былъ святочнымъ дѣломъ. И даже изъ постороннихъ каторгѣ людей рѣло у кого повертывался языкъ сказать: «Пошесть!»—когда на сахалинской улицѣ изъ партіи арестантовъ подходилъ однѣмъ и, протягивая шапку, съ поклономъ говорилъ: — На палача! Ты была художественнымъ инструментомъ въ рукахъ вартуова-палача. Самый опытный глазъ не могъ различить, какой наносится ударъ: настоящей или «пубной». Когда твой страшный хозяинъ показывалъ мнѣ тебя, свою старую плеть, я спросилъ его: — Со сколькихъ ударовъ можно его убить человѣка? Охъ отвѣчалъ: — Съ двухъ можно. Но подумай и не безъ гордости добавилъ:

— Можно и съ одного. Стаовой хребетъ перешибѣтъ. Охъ показывалъ мнѣ контеръ на тебѣ, кровавый и «художественный» инструментъ. — Вотъ два удара. Настоящій и пубной. На «кобылу» я положилъ толстую заспаную княжку. Свистъ, страшный ударъ—и словно по листку въ клочки драли княжку. Ничего, кромѣ клочковъ. — Теперь положи те ручку-съ. Я съ отвращеніемъ положилъ руку на укаскую скамью. Тотъ же свистъ, тотъ же страшный ударъ—и свистъ перчатку, словно кто-то тихо и осторожно тронуть меня тремя пальцами. Комлевъ улыбался и смотрѣлъ на меня поблдоново. — Поразительная работа. И невозможно усидѣть? — Никто не можетъ. На томъ стоимъ. На чучлахъ учимся. Чучела дѣлаемъ и практикуемся. Съ того кормимся. И этотъ же самый твой «специальность», отвратительный и страшный человѣкъ,—мнѣ хотѣлось узнать, какъ отнесется къ этому палачу,—когда я сказалъ ему: — Говорятъ, эти наказанія скоро хотятъ уничтожить? Посмотрѣла на меня мрачно. — Вазирау? — Вѣрно. Переверстали и сказали: — Далъ бы Богъ! Это сказалъ не Левъ Толстой, а палачъ Комлевъ. Палачу было тяжело тобой владѣть. — И вотъ послѣдній счастливый день—я пишу не статью о тебѣ, не статью, а тебѣ некрологъ. Будь проклята. И въ этомъ надгробномъ словѣ есть все, но нѣтъ одного—страха. Я смотрю на тебя съ отвращеніемъ, съ ненавистью, съ презрѣніемъ,—на тебя можно смотрѣть съ любопытствомъ, съ ужасомъ, съ какинъ мы смотримъ въ музеяхъ на «дѣбѣ»,—но страшнаго мысли: «Быть можетъ, въ эту самую минуту такой же плетью тамъ терзаютъ человѣка»,—уже нѣтъ. Ты принадлежишь только исторіи. Тебя уже не существуетъ. Ты умерла. Какое прекрасное слово: — Ты умерла. (Окончаніе слѣдуетъ).

* Изъ „Русск. Сл.“

